

Глава двенадцатая. Бай Ичэнь чудит

Сунь Фэн был озадачен.

По своему опыту и квалификации он обычно не брался ни за что, кроме дел первостепенной важности, — а порой, даже имея дело с серьёзными делами, позволял себе покапризничать и выбрать, что его интересует, а что нет. Но сегодня во второй половине дня Мо Хань лично позвонил и попросил прощупать одного человека: откуда тот и что за птица. Значит, персона непростая, решил Сунь Фэн. Если сам Начальник Мо звонит с внеплановым поручением — надо подойти серьёзно. Он собрался, настроился и вошёл в комнату для допросов.

Там Бай Ичэнь как раз принялся дурить.

К тому моменту его продержали в этой конуре без малого сорок минут. Поначалу он ещё немного нервничал — ситуация казалась щекотливой, даже захватывающей. Но по мере того как минутная стрелка ползла деление за делением, им начала овладевать скука, потом — сонливость, а потом в голове сами собой замелькали отрывки всех виденных им полицейских сериалов, и Бай Ичэнь принял решение обследовать помещение. Начать, разумеется, с поиска жучков.

Сунь Фэн вошёл как раз в тот момент, когда Бай Ичэнь сидел на корточках под столом и задрал голову осматривал столешницу снизу.

За годы работы Сунь Фэн повидал здесь всяких: убитых горем и натянутых как струна, ошалевших и потерянных, наглых и обречённых... Но вот чтобы кто-то прятался под столом и ковырял винты — такого ещё не бывало.

— Эй! Что ты там делаешь?

— Ва-а-а!

Бай Ичэнь испугался так, что рефлекторно дёрнулся встать — и тут же забыл про стол над головой.

Бум!

— Блин, как больно! — взвыл он, зажимая макушку обеими руками, — и тут же уткнулся взглядом прямо в лицо Сунь Фэна. Лицо это мгновенно вышибло из него всякую мысль о боли, и он так и застыл столбом.

Сунь Фэн вовсе не выглядел свирепым — если уж на то пошло, черты его были куда мягче, чем у Мо Ханя. Беда заключалась в другом: этот человек, судя по всему, не умел улыбаться от слова совсем. Каждая складка на его лице была прочерчена резко, без единого намёка на

закругление — всё сплошь прямые линии, будто высеченные в камне. А глаза — узкие, острые, как лезвия ножей, — смотрели без малейшего оттенка чувства. И почти все, кто встречал этот взгляд, начинали испытывать смутную тревогу и непреодолимое желание что-нибудь объяснить. А стоило рот открыть — выкладывали всё до дышечка.

Бай Ичэнь не был ни матерым уголовником, ни закалённым авантюристом. Духа ему не доставало. Поэтому едва он увидел это лицо, слова полились сами собой:

— Это... я... я жучки искал. Нет, то есть — удостоверение личности! Я его не взял с собой! Просто зарегистрироваться зашёл! Меня зовут Бай Ичэнь, мужской пол, ханец, дата рождения — второе июля тысяча девятьсот девяносто четвёртого года, адрес проживания...

Сунь Фэн нахмурился. Загадка становилась всё глубже. Это что — природный дурачок или притворяется? Начальник Мо просил прощупать парня — но зачем? Может, глава молодёжной банды? Или внебрачный сын кого-то важного?

Лицо Сунь Фэна не выражало ровным счётом ничего, а значит — Бай Ичэнь не мог остановиться: ему казалось, что стоит замолчать, и незримая тяжесть раздавит его. Однако что можно наговорить за восемнадцать лет совершенно обычной жизни? Меньше чем через три минуты весь его нехитрый жизненный путь был изложен без остатка.

— Всё... — вынужден был признать Бай Ичэнь.

Сунь Фэн широко шагнул в комнату, отодвинул стул, хлопнул пластиковой папкой по столу — Бай Ичэню показалось, что грохот разнёсся на весь этаж. Сердце едва не выпрыгнуло из груди.

— Садись!

Приказ подействовал мгновенно: Бай Ичэнь сел прямее некуда, будто первогодок на плацу.

— Что ты там делал? — спросил Сунь Фэн, внутренне отметив, что парнишка натянут как струна. Надо дать ему слегка выдохнуть. Судя по всему, посмотрелся гонконгских боевиков.

— Я... ну... ничего особенного. Жучки искал. В сериалах их всегда под стол клеят.

Так и есть, — подумал Сунь Фэн. — Обыкновенный разгильдяй. Он раскрыл папку с распечатанными данными на Бай Ичэня — тонкий листок, почти ничего. Номер удостоверения оказался настоящим, а досье — прозрачным, как стакан воды.

— Ты думаешь, если бы жучок там и был — тебе бы позволили его найти?

— Ну... я просто так, ради интереса поискал.

Несколько реплик — и Бай Ичэнь расслабился. Пришёл к выводу, что дядька с жутковатой физиономией на деле вполне себе нормальный.

— Мы проверили твои данные — вопросов нет. Но кое-что требует уточнения, — сообщил Сунь Фэн, раскрывая папку. Допрос начался.

Когда Цинь Сяо спустился с пятого этажа, Сунь Фэн как раз вышел из комнаты для допросов с таким видом, словно ему одному ведома тайна мироздания. Цинь Сяо Сунь Фэна побаивался — особенно сейчас, когда он неофициально, негласно и совершенно неположенным образом строил козни вокруг дочери живого человека, который каждый день ходит на ту же работу.

При каждой встрече с Сунь Фэном у Цинь Сяо возникало острое желание назвать его «папой», но всякий раз, против собственной воли, из него вырывалось:

— Господин Сунь! Начальник Мо прислал узнать о результатах.

Лучше сразу прикрыться именем Начальника Мо — хоть какая защита.

Сунь Фэн смерил его взглядом. В душе усмехнулся: «С такими-то повадками мою дочь одним пальцем уложишь — десяток таких зараз».

— Чисто!

— Отлично, большое спасибо... Начальник Мо говорит, что с него выпивка! — выпалил Цинь Сяо и унёсся вверх по лестнице, оставив Сунь Фэна глядеть ему вслед в клубах мнимой пыли:

— Паршивец. Станешь моим зятем — будешь так же от жены шарахаться?

Цинь Сяо влетел на пятый этаж с новостями. Ань Но и оба начальника быстро свели воедино то, что у каждого было, и набросали предварительный план дальнейших действий. Хотя, конечно, сколько ни планируй — жизнь всё равно внесёт свои коррективы. Стоит выйти из этого кабинета — и остаётся только надеяться на природную смекалку Ань Но.

Когда Бай Ичэнь в одиночестве шагнул за порог здания управления, стрелки часов давно перевалили за два ночи.

Он сошёл с крыльца — и огромный пустой двор обступил его со всех сторон. Вокруг стояла такая тишина, что слышны были собственные удары сердца — каждый отзывался в ушах гулким эхом. За спиной темнело здание управления, большинство окон погашено, громадная тень нависала над головой. Впереди ворота зияли чёрным провалом, поглощая взгляд без остатка. Бай Ичэнь почувствовал необъяснимую тревогу. Всё одиночество последних нескольких тысяч дней разом поднялось изнутри — и вперёд шагнуть было страшно, и повернуть назад тоже. Ноги не слушались. Неподалёку поблёскивала амуниция на поясе часового у ворот — холодный металлический отблеск. В эту всё ещё тёплую октябрьскую ночь Бай Ичэню вдруг стало зябко. Он не знал, куда идти.

Страх пришёл поздно — но всё же пришёл.

Пугало его, впрочем, не то, что случилось сегодня. Пугало другое: он вдруг ясно ощутил, насколько одинок. Измотан до последнего — душой и телом, — а позвать некого. Ни родных, ни друга, кто мог бы просто обнять.

Щёлк. Чирк.

В тишине звук зажигалки прогремел как гром — и что-то сорвалось в Бай Ичэне. Он рванул с места без единой мысли, будто за ним гналась нечисть.

И в следующий миг за воротами увидел Ань Но.

Тот сидел боком на своём огромном мотоцикле — ноги вытянуты и упираются в асфальт, прямые и твёрдые. Правая рука с зажатой между пальцами сигаретой лениво лежала на руле. Голова чуть запрокинута — он выпускал дым, — и в тусклом свете уличного фонаря линия лба, высокий подъём переносицы, чёткий абрис губ складывались в нечто совершенное. Весь его облик — словно плотное масло на холсте. Картина. И она разом ударила Бай Ичэня в глаза и прожгла что-то внутри.

Он ждал меня.

Бай Ичэнь вспомнил, как Ань Но сказал в баре: «Я подожду у входа. Парень ещё молодой — отвезу домой, раз уж всё равно здесь».

Вся тревога, всё одиночество — схлынули разом.

Ань Но опустил взгляд и прищурился, глядя на Бай Ичэня, который вылетал из ворот как снаряд. Эти глаза — яркие, всегда притягивающие взгляд к себе — снова на мгновение выбили Ань Но из равновесия. Он лениво растянул губы в улыбку:

— Эй. Ещё немного — и я бы уснул.

Бай Ичэнь понял, что снова дурит. Потому что в глазах у него стояли слёзы.

Он в несколько шагов оказался рядом и сказал — совершенно искренне:

— Старший брат Ань, спасибо, что подождал.

Ань Но небрежно бросил сигарету в сторону, и широкая тёплая ладонь взъерошила Бай Ичэню волосы:

— Само собой. Едем в Цзиньдинсюань — поедим ночью!

— Ты меня угощаешь? — Бай Ичэнь округлил глаза от радости. — Это считается «снятием стресса»?

Ань Но запнулся. Вот уж действительно — дна у этого парня не нащупать.

— Подожди, это разве не ты должен угостить меня в знак благодарности?

— Да ну что вы, Старший брат Ань. Вы же зарабатываете куда больше моего. Да и постарше меня намного — как-то неловко, если я буду платить.

— Намного постарше?! При чём тут вообще возраст? — возмутился Ань Но, протягивая ему шлем.

Бай Ичэнь крепко зажмурился — только так ему удавалось загнать слёзы обратно. Перекинул ногу через сиденье, обхватил Ань Но руками за талию. Сиденье Yamaha YZR-R1 уходило высоко вверх под изящным углом, и едва Бай Ичэнь устроился на нём, сила тяжести сама прижала его к чужой спине. Тепло чужого тела сквозь тонкую ткань прикатило к его груди — и что-то внутри неожиданно наполнилось. Мягко. Спокойно.

— Старший брат Ань! — прокричал Бай Ичэнь, стараясь перекрыть рёв мотора.

— Что?

— А ты где ждал-то? У тебя спина холодная, совсем не жарко.

Едва это вылетело — Бай Ичэнь сам готов был себя укусить. Ну кто вообще обращает внимание на температуру спины у другого мужчины? Только конченный...

Хотя — он и правда не знал, что сказать. Потому что едва руки обхватили талию Ань Но, а ладони сквозь тонкую ткань почувствовали упругие мышцы и твёрдые жилы, что-то в нём

обмерло — без всякой причины. Руки словно приросли, и отпускать не хотелось. В этом объятии было что-то, чего он прежде не чувствовал никогда: тепло, заполнявшее не только грудь, но и что-то куда глубже. Защищённость. Будто у него вдруг появилось что-то очень хорошее, и он не хотел, чтобы это кончалось. Это внезапное счастье его и пугало. Нужен был хоть какой-нибудь разговор — срочно, чтобы сломать напряжение. Вот он и ляпнул первое, что пришло в голову.

«Бай Ичэнь, ну ты и дурак», — мрачно сказал он себе.

А Ань Но в этот момент едва сдерживался, чтобы не схватить его за шиворот и не швырнуть обратно в допросную — пусть Сунь-следователь ещё разок пройдёт.

Чисто?!

Да быть такого не может! Чисто!!

Этот парень — то ли мастер конспирации, то ли редкостно наблюдателен. Буквально пару минут назад сам Ань Но вышел из залитого кондиционером кабинета начальника, спустился по пожарной лестнице, сел в машину Цинь Сяо и выехал за ворота. На улице он пробыл считанные минуты — холод от кондиционера ещё не успел выветриться. Такую деталь не всякий взрослый опер заметит.

Облажался. Совсем облажался.

Четыре года криминалистики, ещё четыре — на земле. Восемь лет профессиональной выучки — и вот, восемнадцатилетний пацан нашёл прореху.

Чистый он или нет — держаться от него подальше!

Внутренний голос требовал именно этого.

Ань Но повернул голову и прокричал через плечо:

— Заходил в КФС за углом! Взял айс-капутино!

Бай Ичэнь скользнул взглядом по вывеске на углу и снова уткнулся лицом в чужую спину.

— Мог бы и мне стакан захватить, — пробурчал он себе под нос.